

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АРЬЯ ШУРА

**ГИРЛЯНДА ДЖАТАК,
ИЛИ СКАЗАНИЯ
О ПОДВИГАХ БОДХИСАТТВЫ**

Второе издание, дополненное

МОСКВА
Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН
2000

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

АРЬЯ ШУРА

**ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА**

**ГИРЛЯНДА ДЖАТАК,
ИЛИ СКАЗАНИЯ
О ПОДВИГАХ БОДХИСАТТВЫ**

ПЕРЕВОДЫ

VII

Перевод с санскрита
А.П.Баранникова
и О.Ф.Волковой

Предисловие
и примечания
О.Ф.Волковой

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА · 1962

УДК 820/89
ББК 84(5Инд)4
А89

Федеральная программа
книгоиздания России

Ответственный редактор
Ю.Н.Рерих

Художественная съемка
Э.Басилия

Арья Шура

- А89 Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. Пер. с санскрита А.П.Баранникова и О.Ф.Волковой. Предисл. и примеч. О.Ф.Волковой. 2-е изд., доп. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 367 с.: ил. (Памятники литературы народов Востока. Переводы. VII).
ISBN 5-02-017644-3

«Гирлянда джатак» («Джатакамала») — сборник буддийских рассказов (джатак), созданный около IV в. знаменитым древнеиндийским поэтом Арья Шурой. Джатаки — это литературно обработанные народные сказания и легенды о деяниях Будды, совершенных им в его многочисленных перерождениях, в облике различных людей, животных и богов. Занимательные сюжеты служат фоном для назидательных отступлений, для поучений в духе буддийской этики. Перевод, выполненный известным индологом акад. А.П.Баранниковым, был после его смерти завершен и доработан видным санскритологом О.Ф.Волковой и снабжен ее примечаниями. Книга была издана в серии «Памятники литературы народов Востока» в подсерии «Переводы» (1962 г.).

В новом издании впервые публикуются две тибетские иконы-танки из собрания Государственного музея искусства народов Востока, иллюстрирующие сочинение Арья Шуры, и статья о них Т.В.Сергеевой.

ББК 84(5Инд)4

© Издательская фирма
«Восточная литература» РАН, 2000
© Т.В.Сергеева, статья, 2000
© Э.Басилия, художественная съемка, 2000

ISBN 5-02-017644-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

В литературе буддизма, создававшейся в течение многих веков на различных языках, значительное место занимают сказания и легенды, которыми была окружена личность основателя учения Будды Гаутамы. Среди них особый интерес представляют джатаки — повествования о легендарных событиях из прошлых рождений Будды.

Как специфический жанр литературы буддизма, отличающийся своей тематикой и своими определенными художественными особенностями, джатаки являются результатом синтеза литературных и фольклорных традиций, существовавших в Индии ко времени возникновения буддизма, с философско-этическими воззрениями последнего. Заимствуя из неисчерпаемой сокровищницы индийского народного творчества легенды, басни, сказки и создавая новые по их образцу, буддизм приспособил эти живые и увлекательные рассказы для изложения и проповеди своей морали. Нравоучения, преподносимые в виде занимательного повествования, были более доступны пониманию простого народа, чем сухие изречения.

Самые ранние произведения этого жанра, восходящие к первым векам до нашей эры, содержатся в каноне буддизма на языке пали в разделе *Кхуддака-никая Сутта-питаки*, куда входит сборник из 547 джатак. Собственно канонической частью этого собрания являются стихотворные строфы — *гатхи*, приписываемые самому Будде, а проза служит комментарием, разъясняющим, где и по какому поводу Будда произнес ту или иную *гатху*.

В основе джатак лежит свойственное буддизму, как и другим религиозно-философским течениям Индии, представ-

ление о бесконечной цепи связанных между собой причинно-следственной связью существований, через которые проходят все живые существа. Рождение в том или ином состоянии — в виде человека, животного, божества — определяется совокупностью поступков, совершенных в прошлых рождениях. Каждое существо создает самое себя, определяет свое будущее состояние своим поведением, своими действиями. Такая цель, как достижение высшего просветления, совершенного знания — *бодхи*, — согласно учению буддизма, требует огромных усилий и не может быть достигнута в течение одного рождения. Буддийские предания рассказывают, что сам Будда шел к этой цели через многие существования путем тяжелых подвигов и самосовершенствования. Идущий к высшему знанию, потенциальный будда в предшествующих рождениях и в последнем рождении до момента просветления (*бодхи*) получил название бодхисаттвы¹.

Все джатаки построены по одному плану: сначала идет «рассказ о настоящем» (*расирраппаваṭṭhu*), т. е. о событиях, давших повод к изложению Буддой какого-либо случая из его прошлых рождений; он служит рамкой для «рассказа о прошлом» (*atītavaṭṭhu*), в котором Будда на примере одного из собственных предшествующих существований наставляет слушателей в нравственном поведении, щедрости к просящим, кротости и терпимости, правдивости, воздержании от причинения вреда живым существам, от воровства, грубых речей и т. д. Таким образом, построение джатак соответствует излюбленному в древнеиндийской литературе композиционному приему «обрамленной повести». Оба рассказа связывались между собой отождествлением действующих лиц. Один из героев, наделенный высокими моральными и интеллектуальными качествами, объявлялся Буддой в прошлых рождениях.

Сюжеты и действующие лица, взятые из окружающей дей-

¹ О различных толкованиях этого термина см. Har Dayal, *The bodhisattva doctrine in Sanskrit buddhist literature*, London, 1932, pp. 4–9.

ствительности, реалистические картины, отражающие повседневную жизнь различных слоев индийского общества того времени, делают джатаки интересными не только как памятник, излагающий положения буддийской морали, но и как ценный исторический источник для изучения быта и социальных институтов древней Индии.

Палийские джатаки послужили основой для многочисленных переводов и пересказов. Их сюжеты и мотивы неоднократно находили отражение в изобразительном искусстве Индии и других стран, воспринявших буддизм. Значительное влияние оказали джатаки также на последующее развитие басенной и сказочной индийской литературы.

«Гирлянда джатак», хотя и относится к тому же жанру литературы буддизма, в значительной степени отличается от палийских джатак. Несмотря на то что сюжеты почти всех санскритских джатак взяты из палийского сборника, несмотря на совпадение многих стихов, иногда даже буквальное, перед нами не просто перевод с пали, а самостоятельное произведение, отличающееся и по своему стилю и, до некоторой степени, по своим идеям.

* * *

Вопросом времени написания «Гирлянды джатак» и выяснением личности ее автора занимались многие крупные ученые — индологи и тибетологи. Но до сих пор еще многое остается неясным и спорным. Не имея возможности делать какие-либо выводы из-за недоступности большинства материалов, мы попытаемся только подвести итог исследованиям различных ученых.

Опубликованный в 1891 г. X. Керном текст «Гирлянды джатак» основан на трех рукописях², которые восходят к одному и тому же источнику, так же как и рукопись на дева-

² H. Kern, *The Jātaka-Mālā or Bodhisattvāvadāna-Mālā by Arya-Çūra*, Boston, 1891 (Harvard Oriental Series, vol. I).

нагари Парижской Национальной библиотеки³ и две петербургские рукописи, упоминаемые С. Ф. Ольденбургем⁴.

К тому же источнику восходят, по-видимому, и фрагменты из Турфанского собрания Берлинской академии наук, исследованные и опубликованные Ф. Веллером⁵. Делать какие-либо определенные выводы в этом случае невозможно из-за обрывочного характера фрагментов. Разночтения с текстом издания Керна не выходят за пределы вариантов внутри одной версии.

Рукопись, открытая в 1828 г. Х. Ходгсоном и описанная Раджендралалом Митрой в его труде «Непальская буддийская литература», содержит вначале еще джатаку о царе Супрабхаше⁶, но в остальном не отличается от указанных выше.

Неполная рукопись, содержащая пять джатак, начиная с джатаки об Авишахье, находится в библиотеке Королевского Азиатского общества Бенгалии (рук. D9980, на пальмовых листьях; шрифт — старый невари, очевидно конца XI в.)⁷.

К сожалению, как уже говорилось выше, все известные рукописи «Гирлянды джатак» восходят к одному источнику, и незначительные разночтения в них дают слишком мало материала для того, чтобы делать какие-либо выводы о первоначальном тексте памятника. А в том, что данные рукописи

³ J. Feer, *Studies Bouddhiques*,— JA, série VII, t. V, p. 413.

⁴ С. Ф. Ольденбург, *Буддийские легенды*, СПб., 1894, стр. 90.

⁵ F. Weller, *Die Fragmente der Jatakamala in der Turfansammlung der Berliner Akademie*, Berlin, 1935.

⁶ Вот начало ее. «В одном из прежних рождений наш Владыка был царем во имени Супрабхаша. Он был очень вспыльчив и в приливе гнева жестоко оскорбил погонщика, который в ответ подробно стал наставлять его в добродетелях щедрости, милосердия, кротости и т. п. Это произвело впечатление на ум царя, и он постепенно начал стремиться к просветлению» (R. Mitra, *The Sanskrit buddhist literature*, Calcutta, 1882, p. 49).

⁷ आर्यशूर — कृत जातकमाला, मूल संस्कृत और हिन्दी अनुवाद संपादक और अनुवादक सुर्यनारयण चौधरी, बनारस, १९५१, पृ० ६.

отошли от оригинала, сомневаться не приходится, хотя бы на основании подмеченного Х. Керном расхождения между действительным числом слогов и числом, указанным в конце каждой джатаки, начиная с джатаки XVII. Х. Керн и Я. С. Шпейер, переведший «Гирлянду джатак» на английский, отметили как явно позднейшие добавления только концовки джатак и редкие отождествления действующих лиц, бывшие, очевидно, замечаниями переписчиков на полях.

Мы не можем даже судить о количестве рассказов, входивших в «Гирлянду джатак», ибо характер сборника позволял менять порядок, выбрасывать и вставлять новые джатаки, что мы и видим в рукописи Х. Ходгсона и в использованной Х. Керном рукописи Парижской Национальной библиотеки, в которую после XVI джатаки вставлена джатака о Каччхапе, взятая из *Махавасту* и совершенно отличающаяся по языку от остального памятника. Таранатха в своей «Истории буддизма» сообщает предание, что автор «Гирлянды джатак» хотел написать сто джатак — по десять о каждой из десяти *парамит* — совершенных достоинств Бодхисаттвы, но умер, не осуществив своего намерения⁸. В комментарии на «Гирлянду джатак» Ваджрасинхи, сохранившемся только в тибетском переводе, говорится, что первые тридцать джатак посвящены трем *парамитам*. Но если первые девять джатак, действительно, посвящены *dāna* — щедрости, даянию, то в дальнейшем этот порядок нарушается. В санскритских рукописях после каждых десяти джатак идет перечень (*uddana*), что говорит о каком-то делении джатак, но эти перечни могли быть также поздним добавлением переписчиков. В пользу того, что джатак должно было быть именно 34, говорит эпитет Будды — «знающий тридцать четыре рождения» — *catuṣ-trīṃṣajjātakajña*, приводимый Хемачандрой в его словаре синонимов *Абхидханачинтамани*⁹.

⁸ Дараната, *Буддизм, его догматы, история и литература*, пер. В. Васильева, СПб., 1869, стр. 100.

⁹ С. Ф. Ольденбург, *Буддийские легенды*, стр. 91.

Что касается времени написания «Гирлянды джатак», то здесь мнения всех ученых, занимавшихся этим вопросом, сходятся в том, что наиболее поздним пределом является VI в., так как, во-первых, в тибетском каноне есть комментарий Дхармакирти на этот памятник; во-вторых, под некоторыми фресками Аджанты, относящимися к VI в., имеются подписи со строфами «Гирлянды джатак» (строфы 4, 15, 19 и 56 из джатаки о Кшантивадине и 44-я строфа из джатаки о Майтрибале)¹⁰. И, наконец, ту же дату подтверждают турфанские фрагменты, из которых T1054 относится к IX в., а M1053 к VI в. н. э.¹¹

Об авторе «Гирлянды джатак» мы не имеем никаких данных, кроме указанного в колофоне имени Арья Шура. Возникают сомнения в действительном существовании поэта с таким именем.

Дело в том, что китайский путешественник И-Цзин, посетивший Индию в VII в., т. е. очень близко к предполагаемому времени жизни Арья Шуры, не упоминает имени последнего, хотя говорит о широкой популярности «Гирлянды джатак», приводя как китайскую транслитерацию названия памятника — 社得摩羅 (*Шэ дэ цзя мо ло*), так и перевод — 本生實 («Ряд предшествующих рождений»). Однако неясно, имеет ли он в виду нашу «Гирлянду джатак» или же употребляет слово *jātakamālā* как обозначение рода литературного произведения¹².

Ни словом не упоминают об Арья Шуре и более поздние сочинения по истории буддизма в Индии: ни *Манджушримулакальпа* (конец IX в.), ни «История буддизма» Путёна (1290—1364 гг.), основного кодификатора *Танджура*.

¹⁰ H. Lüders, *Arya-Sūras Jātakamālā und die Fresken von Ajanta*,— «Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaft zu Göttingen», philol.-hist. Klasse, 1902, S. 758.

¹¹ F. Weller, *Die Fragmente der Jatakamala in der Turfansammlung der Berliner Akademie*, S. 8.

¹² P. Pelliot, [реп. на:] A. O. Ivanovski, «Sur une traduction chinoise du recueil bouddhique Jatakamala»,— «Bulletin de l'École Française d'Extrême-orient», t. IV, № 3, Juillet — Septembre, 1904, p. 753.

В *Махавьютпатти* имя Арья Шуры встречается в разделе «Первые учителя» (*pūrvā upādhyauḥ*), рядом с именами Нагарджуны, Арьядевы, Васубандху, Ашвагхоши, Диннаги и т. д.

Таранатха в своей истории буддизма (1608 г.) несколько раз упоминает учителя по имени Шура (тиб. *draḥ'bo*), который, по его словам, известен также под именами Ашвагхоша, Матричета, Питричета, Дурдарша, Триратнадаса, Дхармика-Субхути и Матичитра. Этот учитель, согласно Таранатхе, собирался написать сто джатак, но умер, пожертвовав свое тело тигрице и написав перед смертью своей кровью гимн в 50 шлок. Далее Таранатха также приводит приписываемый Дхармакирти стих, где он с гордостью говорит, что он является достойным преемником искусного в просодии лирика Шуры. Таранатха называет также некоего Ачарья Шуру, который при царе Бенгала Гопале I основал храм Налендра около Отантапури¹³. Гопала I правил примерно в 750—770 гг., и потому последний Шура вряд ли имеет какое-либо отношение к автору «Гирлянды джатак», так как она создана, как говорилось выше, не позднее VI в.

Имена Питричета и Матичитра, приводимые Таранатхой, ученые считают вариантами имени Матричета, поэта II в. н. э. Имена Триратнадасы, Дхармика-Субхути и Дурдарши известны по тибетским переводам их произведений. Однако эти произведения по своему мастерству и известности значительно уступают «Гирлянде джатак».

Предположение о тождественности Ашвагхоши и Арья Шуры высказывалось Сильвэном Леви¹⁴ на основании сходства «Гирлянды джатак» и *Сутраланкары*. Но так как весьма спорной является принадлежность последней Ашвагхоше, а сходство между остальными его произведениями и «Гирляндой джатак» не выходит за пределы поэтического стиля, то

¹³ Дараната, *Буддизм, его догматы, история и литература*, М., 1954, стр. 200.

¹⁴ S. Levy, *Notes sur les Indo-Scythes*,— JA, série IX, t. VIII, p. 456.

можно лишь сказать, что автор последней принадлежал к поэтической школе последователей Ашвагхоши.

Наиболее правдоподобной является гипотеза об идентичности Арья Шуры с Матричетой. Д. Р. Шэкстон Бейли в своем предисловии к изданию и переводу *Шатапанчашатка* («Гимна в 150 шлок») ¹⁵ Матричеты приводит доводы в подтверждение подобного предположения: употребление в обоих памятниках таких редких в санскрите слов, как *khaṅṅka* и *śaṅṅatya*, буквальное совпадение некоторых фраз, аналогичные синтаксические конструкции, сходство метрики. Все это, а также отсутствие у И-Цзина и позднейших писателей упоминаний имени Арья Шуры ставит под сомнение его авторство.

Однако, как признает сам Бейли, И-Цзин, говоря о популярности «Гирлянды джатак», не называет в качестве ее автора и Матричету, которому он дает самую высокую оценку и произведения которого он переводил на китайский язык. Что касается сходства фраз и синтаксических конструкций, то Бейли также признает возможность влияния и заимствования. Кроме того, бросается в глаза и различие обоих памятников: «Гирлянда джатак» — типичное произведение стиля *кавья*, чего нельзя сказать о *Шатапанчашатке*. Также в отличие от последней в «Гирлянде джатак» довольно часто упоминаются детали небуддийских мифов и легенд: Кришна — убийца демона Наракши, мудрый наставник богов Брихаспати, кровавая междоусобица родов Вришни и Андхака, мифический первый врач Дханвантари и т. д.

Нельзя не согласиться со сходством метрики обоих произведений: близок процент *випула* ¹⁶ по отношению ко всему количеству полушлок. Также сравнительно часто встречается

¹⁵ D. R. Shackleton Bailey, *The Śatapañcaśatikā of Mātrceta*, Cambridge, 1951.

¹⁶ Размер *шлока* делится на две разновидности: в первой — *paṭhya* — вторая стопа должна иметь следующий вид /— — — — —/, а первая может принимать любую форму; во второй — *vīpula* — первая стопа строго определена и зависит от второй. Имеется пять разновидностей *випула*.

3-я разновидность *випула* (— — — — — / — — — — —), не употребляемая в эпосе и классической поэзии Индии: у Матричеты на 150 шлок — 8 раз, в «Гирлянде джатак» на 410 шлок — 13 раз, в то время как у Ашвагхоши в *Буддхачарите* (297 шлок) и *Саундарананде* (382 шлоки) всего три раза. Однако ни у Матричеты, ни у Ашвагхоши в первых четырех видах *випула* вторая стопа не оканчивается кратким слогом, а в «Гирлянде джатак» есть семь таких случаев. Кроме того, у Матричеты 3-я и 5-я разновидности всегда начинаются с краткого гласного, а в «Гирлянде джатак» из 50 полушлок 14 начинаются на долгий.

Таким образом, хотя возможность авторства Матричеты очень вероятна, но некоторые факты говорят и против нее.

Если обратиться к произведениям, автором которых предположительно является Арья Шура, то картина получается следующая: на санскрите, кроме «Гирлянды джатак», в колофоне которой автор указан как Арья Шура, есть два стиха поэта Шуры в антологии XII в. *Субхашитавали*. Сильвэн Леви обнаружил в Непале рукопись *Субхашитаратнакарандака*, в колофоне которой дано имя автора Ачарья Шура ¹⁷. Этот памятник состоит из заключительных стихов *Двавиншатьяваданы*. К сожалению, ни *Субхашитаратнакарандака*, ни *Двавиншатьявадана* до сих пор не изданы. А их издание и исследование, возможно, пролили бы некоторый свет на эту проблему.

Кроме того, в *Танджуре* в колофоне трех произведений ¹⁸ имя автора дается как *Slob· dṛoṇ· draṅ· bo*, т. е. Ачарья Шура. Транслитерация, а не перевод имени автора, Арья

¹⁷ В *Танджуре* есть ее тибетский перевод, — Mdo XXIII, fol. 118—131; XLIV, fol. 210—223.

¹⁸ «Bodhisattvajātakasya dharmaganti» — поэма из 35 стихов, 34 из которых соответствуют джатакам, нечто вроде стихотворного оглавления «Гирлянды джатак»; «Supathādeśarārikathā» — разъяснение к некоторым высказываниям Будды о благом пути; «Pratimokṣasūtrapaddhati» — комментарий на *Прагимокшу* школы *сарвастивадинов*.

Шура, дается в «Pāgamitāsamāsa» (Mdo XXXI, fol. 246–266)¹⁹.

Имеются в тибетском каноне и два комментария на «Гирлянду джатак»: один, приписываемый Дхармакирти, второй — Ваджрасинхе.

Интересный материал содержится в китайской *Трипитаке*. В каталоге под № 1349 стоит произведение *Карманхаласанкшинтанирдеша-сутра*, которого нет ни в индийском оригинале, ни в тибетском переводе. Оно было переведено на китайский язык в 434 г. Автором назван бодхисаттва 大勇 — Да Юн («великий храбрец»), что может означать Арья Шуру, но возможны и другие реституции.

Точное китайское соответствие имени Арья Шуры — Чэнь Юн встречается в колофоне другой работы 菩薩本生鬘論 *Пу са бэнь шэн мань лунь* («Рассуждение о предыдущих рождениях Бодхисаттвы»), переведенного при династии Сун (960—1278 гг.). По мнению П. Пельо²⁰, изучавшего этот памятник, в нем объединены два различных произведения: сборник из 14 рассказов, близких по сюжетам и композиции к джатакам, и философский комментарий на «Гирлянду джатак». Последнее дало название всему памятнику.

Таким образом, имя автора «Гирлянды джатак» Арья Шуры известно из индийских, тибетских и китайских источников. Но масса противоречивых фактов не позволяет пока сказать что-либо определенное о нем, тем более; что, к сожалению, в его произведениях нет никаких автобиографических сведений; ничего не сообщают нам и его комментаторы²¹.

Можно еще добавить, что Сомендра во введении к *Аваданакальпалате* Кшемендры говорит о существовании многих «Гирлянд джатак», написанных Гопадаттой и другими на-

¹⁹ F. W. Thomas, *The works of AryaSura, Triratnadasa and Dharmika-Subhuti*, — в кн.: *Album Kern*, Leiden, 1903, pp. 405–408.

²⁰ P. Pelliot, [рец. на:] A. O. Ivanovski, «Sur une traduction chinoise du recueil bouddhique Jatakamala», pp. 752–755.

²¹ F. W. Thomas, *The works of AryaSura, Triratnadasa and Dharmika-Subhuti*, pp. 405–408.

ставниками²². Но до нас дошла только одна, и можно думать, что она была наилучшим образцом произведений этого рода, если судить по многочисленным тибетским подражаниям ей и по фрескам Аджанты.

* * *

Основным мотивом «Гирлянды джатак», проходящим через все ее рассказы и отличающим ее от палийского сборника, является идея бодхисаттвы — спасителя, преисполненного безграничной любви и неисчерпаемого милосердия и сострадания ко всему живому. Личное спасение, достижение высшего просветления и нирваны, отходит на задний план, и на первый выдвигается стремление спасти мир, «измученный страданиями, не имеющий ни защитников, ни покровителя, ни руководителя, полный многих несчастий, как болезни, старость, смерть, разлука с приятным и т. п.», и «принести высшее благо и счастье даже противникам своим и незнакомым людям» («Гирлянда джатак», XXXII).

В джатаках все время подчеркивается, что в основе всех поступков Бодхисаттвы, проявлений его щедрости, кротости, правдивости и т. п. лежит сострадание. Все гибнет и исчезает в этом мире, но никогда не иссякает великое сострадание Бодхисаттвы. Сострадание — это суть дхармы, нормы нравственного поведения. «Сострадание к живым существам считаю я, — говорит Бодхисаттва-руру, — сжатым выражением дхармы, которая подразделяется на воздержание от причинения вреда, воровства и т. д.» (XXVI, 38). Сострадание способствует росту всех остальных добродетелей, как дождь — росту хлебов.

Проявляя и воспитывая в себе совершенные нравственные качества, Бодхисаттва поступает так ради блага мира. «Желанна щедрость мне на благо мира, а не та, что средством

²² J. S. Speyer, *The Jatakamala or Garland of birth-stories by Arya-Sura*, London, 1895, p. XXIII.

к собственному счастью служит», — говорит Бодхисаттва Маре, пытающемуся помешать ему совершать даяния (IV, 16). Больше всего Бодхисаттва желает, чтобы у него «всегда хватало сил уничтожать страдания и счастье миру даровать, как солнце, тьму уничтожая, свет дарует». Безразличный к собственному благу, «в своих страданиях огромных стойкость проявляя», Бодхисаттва «дрожит при виде самых незначительных страданий ближних» (I, 17). Его не так мучает рана, нанесенная ему предателем, как то, что он послужил косвенной причиной совершения подобного дурного поступка (XXIV, 32). Накормив своим телом тигрицу, Бодхисаттва спасает ее не только от голодной смерти, но и от греховного поступка — убийства собственных детей.

Различие между Бодхисаттвой палийских джатак, который только наставлял в нравственном поведении слушателей примерами из своих прошлых рождений, и героем «Гирлянды джатак», «ставшим бодхисаттвой ради живых существ», особенно наглядно видно, если сравнить соответствующие строфы из обоих памятников. На вопрос министров, зачем он хочет отдать свои глаза нищему брахману, царь Шиби отвечает: «Я этим не стремлюсь достичь владычества над всей землей, ни неба, ни конечного спасения, ни славы: спасти весь мир — единственная цель моя» (II, 28). А в палийской джатаке: «Не ради славы я даю, я не ищу ни сына, ни богатства и ни царства; издавна добродетельные так себя ведут, и поэтому в даяниях находит сердце радость» (499, 14). Или же в джатаке об Агастье отшельник говорит Шакре: «Повторное рождение — страдание ужасное, а также старости несчастье и различные болезни; рассудок помутить способна мысль о неизбежной смерти, поэтому стремлюсь спасти я мир». А в соответствующей строфе палийской джатаки: «Повторное рождение — страдание, о Шакра! а также тела разрушение; и заблуждение, и смерть — страдание, поэтому я подвизаюсь здесь, о Васаве» (480, 2).

Щедрость Бодхисаттвы, проистекающая из его безграничного милосердия к страдающему миру, не останавливается

перед пожертвованием собственного тела, которое только потому и имеет ценность, что при помощи его можно принести благо ближнему. Характерно, что из четырех отсутствующих в палийском источнике сюжетов «Гирлянды джатак» три посвящены именно пожертвованию собственного тела: о тигрице²³, о Майтрибале и о слоне

Преклоняясь перед бескорыстной любовью и неисчерпаемым состраданием Бодхисаттвы, автор «Гирлянды джатак» заставил свое произведение звучать как гимн во славу великой нравственной сущности Бодхисаттвы — защитника и покровителя всего живого.

В остальном же «Гирлянда джатак», хотя и созданная на несколько веков позднее палийских джатак и отражающая более поздний этап в развитии буддизма, стоит близко к своему палийскому источнику. Так же как и там, в «Гирлянде джатак» проповедуются правила нравственного поведения, способствующие накоплению добродетельных заслуг (ripua), которые «есть лучшая опора мира в его вращенье трудном по пути перерождений» и ведут к высшему спасению. В джатаке «О жертве» осуждается ритуальное жертвоприношение животных. Более сильно, чем в палийских джатаках, звучит осуждение мирской жизни, состояния домохозяина (gārhāsthya), «связанного с приобретением и сохранением богатств, и потому ведущего к легкомыслию и небрежению (pamāda), привязанности к дурным деяниям, являющегося мишенью для сотен стрел различных несчастий, мешающих умиротворенному спокойствию и удовлетворенно-

²³ Существует легенда о том, что автор «Гирлянды джатак», следуя примеру Бодхисаттвы, накормил своим телом голодную тигрицу (Дараната, *Буддизм, его догматы, история и литература*, стр. 100–101). Этот сюжет неоднократно встречается в различных произведениях северного буддизма (Dīvyāvadāna, 32; Avadānakalpalatā, 51 и 95; Suvartaprabhāṣa, 19; Raṣṭrapālapariprocchā, 22; Dsanglun, 2; хотанская Jātakastava, 20), но в палийских текстах он не отразился, и неизвестно, из какого источника южного буддизма взял приведенную им легенду на этот сюжет Спенс Харди (Spence Hardy. *A manual of buddhism*. London, 1860, p. 92).

сти». И в противоположность этому восхваляется уединенная и чистая жизнь отшельника. Этому целиком посвящена джатака «О бездетном», отсутствующая в палийском сборнике.

В «Гирлянде джатак», затрагивающей вопросы морали, нельзя было ожидать более или менее последовательного изложения философских воззрений буддизма. Но в джатаке «О Махабодхи» (как и в ее палийском источнике) Бодхисаттва разбивает своих противников, излагая основные положения буддизма о причинно-следственной связи, отрицании верховного творца — *ишвары*, свободе воли, отрицании теории уничтожения (*ucchedavāda*).

Кроме подчеркивания безграничного и бескорыстного милосердия Бодхисаттвы, в «Гирлянде джатак» больше ни в чем не отражаются особенности северного буддизма: здесь нет ни сонма будд и бодхисаттв, ни концепции трех тел Будды, ни достижения спасения единственно через веру и преклонение перед буддами и бодхисаттвами. По некоторым чертам²⁴ (познание через восприятие при помощи органов чувств и реальное существование объектов восприятия в прошлом, настоящем и будущем) можно предположить, что автор «Гирлянды джатак» принадлежал к школе *сарвастивадинов*, относящейся к хинаяне²⁵.

Но «Гирлянда джатак» представляет интерес не как произведение, излагающее воззрения буддизма, а главным образом как выдающийся памятник классической литературы на санскрите. Ее автор, человек высокоталантливый и образованный, с большим мастерством и блеском изложил народные сказания, взятые из палийского сборника, в стиле, который в санскритской поэтике носит название *кавья*. Он выполнил те требования, которые, согласно индийской классической поэтике, предъявлялись к произведениям стиля

²⁴ Например, в джатаке «Об обитателе мира Брахмы», где Бодхисаттва приводит доказательства в пользу существования иного мира.

²⁵ В каталоге *Танджура* (раздел тибетского канона) упоминается произведение Ачарья Шуры «Pratimokṣasūtrāpaddhati», — комментарий на *Прагимокшу* школы *сарвастивадинов*.

кавья. Здесь и герой, наделенный всеми высокими моральными и интеллектуальными качествами, и сюжеты, взятые из исторических преданий, ибо у правоверного буддиста не возникало сомнения в достоверности событий прошлых рождений Бодхисаттвы, и описания моря, гор, восхода солнца и луны, игр в воде, садов и рощ, путешествий, битвы и победы и т. д., которые были обязательны в художественном произведении этого жанра. Во вступительном гимне Будде сам автор называет свое произведение *кавья*.

Написана «Гирлянда джатак» на изобилующем длинными композитами классическом санскрите, с рядом лексических заимствований из буддийского гибридного санскрита. Автор умело использовал многозначность и синонимичность санскритской лексики, употреблял редкие слова, известные лишь из словарей. Все это говорит о его высокой культуре и образованности. Стихи и проза в «Гирлянде джатак» несут одинаковую нагрузку; автор свободно переходит от одной формы к другой, и, таким образом, «Гирлянда джатак» является одним из первых произведений того стиля изложения, который впоследствии получил название *чампу* и первые зачатки которого мы встречаем в палийских джатаках.

Стихотворные строфы «Гирлянды джатак» поражают применением самых разнообразных размеров²⁶, иногда украшенных причудливой рифмой. Например:

kālena copetya nṛpat sa haṁśah
parāṇukampāvyasanī sahaṁśah
/jagāda dhammaṁ kṣītipena tena
pratyaṛcamāno vinayāmatena || XXII. 100.
bhavanti lokasya hi bhūyasārthā
lobhācṛayād durgatimāngasārthah/
parātmanor abhyudayaavahatvād
arthās tadīyās tu babhur yathārtthāḥ || V. 4.

²⁶ Шпейер в своем предисловии к переводу отмечает ряд редких размеров, использованных в «Гирлянде джатак» (см J. S. Speyer, *The Jatakamala or Garland of birth-stories by Arya-Sura*, p. XXIV).

Изошренность и украшенность поэтического стиля «Гирлянды джатак» особенно ярко выступает при сравнении ее стихов с соответствующими местами из палийских джатак. Вот, например, Сумукха просит охотника-нишадца отпустить попавшего в сеть Бодхисаттву-лебедя:

Палийская джатака
«Увидят пусть его, тобой освобожденного, отсюда улегшего, большие стаи, министры и друзья, слуги, домочадцы и родные» (533, 31)

«Гирлянда джатак»
«Тогда увидят пусть его обрадованные стаи лебедей, их предводителя, тобой освобожденного, сияющего в чистом небе, словно повелитель звезд, отпущенный владыкой дайтьев»²⁷ (XXII, 51).

Или же сравним строфы из слова Айогрихи о неизбежности смерти и беспомощности всего существующего перед ней:

«Ядовитые, гневом распаленные, они (змеи) людей кусают и убивают, но смерть не смеют укусить» (516, 19)

«Змеи людей кусают острыми зубами, несущими огонь смертельный яда, зажженный гневом; но даже не пытаются ужалить смерть, хотя бы стоило ее убить за зло, которое она искусно причиняет» (XXXII, 30).

«Якши, пишачи, а также преты, людей одолевают в гневе; но смерть не могут одолеть» (516, 21).

«Ужасные уродливые духи-граха, вцепившись крепкой хваткой, все жизненные силы выпивают у людей; но если смерть им предлагает схватку, теряют свою наглую, надменную ухватку» (XXXII, 35)²⁸.

²⁷ Согласно легендам, владыка демонов-дайтьев Раху проглатывал во время затмения повелителя звезд — месяц.

²⁸ *pibanti nṛṇāṃ vikṛtagraviḡrahā sahaūjasāyūci dṛḡhagrahā grahāḥ*

В джатаке о Супараге мореплаватели, увидев незнакомое море, обращаются к кормчему Супараге:

«Мы видим море, похожее на простоквашу и на молоко. И спрашиваем у тебя, о Супарака, что это за море?» (463, 5)

«Что это за море, которое волнами в пене потонувшими, словно укутано покровом белым из дукулы; как будто смех там ширится повсюду, несущий месяца лучи расплавленные» (XIV, 14)²⁹.

Рядом с традиционными образами (месяц, заставляющий расцветать улыбкой лотосы; огонь с всклокоченной кривой дыма черного; слон, подобный громаде облаков осенних, опоясанных молнией; взоры прекрасных женщин — пчелы, садящиеся на цветы; символ изменчивости, непостоянства — танцующие лианы молний, символ стойкости — покрытая снегом горная вершина, символ красоты — осенний месяц; черный цвет сравнивается с напоенными водой облаками, белый — с осенними облаками; бесчисленны сравнения с лотосом: лотосы — глаза, руки, ноги, пальцы; лицо царя, отдавшего свои глаза, подобно пруду, лишившемуся лотосов; клинок меча, как лепесток голубого лотоса, и т. д. и т. п.) можно встретить поэтические образы, подсказанные автору его талантом и наблюдательностью, поражающие своей вытуклостью, зримостью. Так, лев, с испачканными кровью пастью, когтями и гривой, сравнивается с темным облаком, освещенным отблеском вечерней зари; берега озера украшены

bhavanti tu prastutamṡtyuvigrahā vipannadarpoṡatātaparigrahāḥ; *graha* — название злых духов, а также цепкость, хватка; *vigraha* — форма, тело и хватка, распря; *paṡigraha* — хватание, хватка, власть; все это производные от корня *grāh* — хватать.

²⁹ Дукула — легкая ткань из растения того же названия. Здесь применен традиционный образ индийской поэзии: символом белизны служат молоко, лунный свет и смех Шивы.

золотой нитью, свитой пальцами волн из пыльцы лотосов и лилий; не спят лотосы, ласкаемые лунным светом, напоминая осколки месяца в тени деревьев; синева моря — это небо, расплавленное жаркими лучами солнца, а синее небо подобно клинку меча. Интересны сравнения и параллели, взятые из социальной жизни: заяц (стремясь принести себя в жертву) при виде пылающего костра проникается такой же радостью, как алчущий богатств при виде сокровищ; люди, произнося учтивые, но лживые и лицемерные речи, поступают, как купцы, которые идут на издержки в надежде получить прибыль.

Неоднократно пользуется автор «Гирлянды джатак» приемом поэтической аллегории. Вишвантара идет на бой против страданий, окутавших мир, вооружившись луком — состраданием и стрелами — щедростью. Панцирь кротости добродетельных делает тупыми стрелы речей злодеев. А вот как оплакивает народ Вишвантару, изгоняемого из царства: «О, если мать-земля не постыдится топоров, которым позволили срубить такое дерево, тенистое и сладкие плоды дающее, то, без сомнения, она рассудок потеряла» (IX, 40).

Можно привести также многочисленные примеры игры слов, основанной на одинаковом звучании различных по смыслу слов или же на различных значениях образований от одного корня. Например: «chāyāmayam iva ādarṣe gājate divi gājate» (VI, 37) — «На небе, как в зеркале серебряном (gājate), сияет (gājate) это отражение».

sārādanam dānam āhur dhanānām
aiṣvaryaṇām dānam āhur nidānam
dānam ṣṛimatsajjanatvāvadānam...

«Даяние есть извлечение пользы из богатств;
даяние — величия причина основная;
даяние — есть подвиг благородства славных»

(dāna — даяние; ādāna — взятие, принятие; nidāna — основа, причина; avadāna — подвиг, героическое деяние).

«ataḥ prajānakṣaṇadakṣiṇo 'sau ṣāstrāṇi ca ṣāstram ca parā-

matarṣa (VIII, 1) — Поэтому, народ умело охраняя, по обстоятельствам за меч (ṣāstra) он (царь) брался или за закон (ṣāstra)».

Но не только смысловыми украшениями (*артхаланкарами*) изобилует «Гирлянда джатак». Ее автор проявил поистине блестящее мастерство и в звуковой организации поэтического языка своего произведения. Из многочисленных приемов звукописи мы приведем примеры наиболее часто встречающихся в «Гирлянде джатак» *анупраса* (аллитерации) и *ямака* — одного из видов звуковых украшений (*шабдаланкара*) в санскритской поэтике, заключающегося в повторении сочетаний омонимных слогов.

Примеры аллитераций:

patrāṇi citrayati ko 'tra patatrinām (XXIII, 17).

ity'annapānam padmākṣa yakṣānām akṣātavrata (VIII, 16)
...sataḥ sukumārasya sukhocitātmanah (XX, 2)

udgarja ragjanya gambhīradhīram (XV, 14) — «греми, Парджанья (громовая туча. — О. В.), раскатисто и глухо», — так заклинает Бодхисаттва в облике рыбы дождевую тучу.

Ямака встречаются в «Гирлянде джатак» чрезвычайно часто и в стихах, и в прозе; bhavane vane va — «в доме или в лесу»; sukhendhanam dhanam — «богатство, топливо для счастья»; sphurjatpraharaṇe gaṇe — «в битве, где раздавались оружия грозные удары»; прауџья уаṃ madabalād abalā vīmbadhayed api tarau pitarau (XVII, 17) — «им насладившись (хмельным напитком) в опьянении даже женщина способна оковы наложить и на родителей своих». Прекрасным образцом применения *ямака* являются строфы 50—55 джатаки «Об обитателе мира Брахмы», каждая половина стихотворной строки которых заканчивается сочетанием омонимных слогов:

manasya saddarṣanasamstute 'stu te
ucisthiram sajjanasammataṃ matam
jahīhi taṃ bāliṣarañjanair janaiḥ
pravedīto 'dharmaviniṣayaṣ ca yaḥ (XXIX, 51)

О. Ф. Волкова

Если палийские джатаки привлекают читателя своей безыскусственной простотой, графической четкостью своего поэтического стиля, то «Гирлянда джатак» вызывает восхищение разработанностью поэтических образов, сложность которых иногда доходит до вычурности, обилием красочных описаний, богатством метрики и звуковой организации своего языка.

В небольшой статье невозможно рассмотреть все художественные приемы, используемые в «Гирлянде джатак». Но и приведенные примеры дают до некоторой степени представление о стиле этого произведения и о поэтическом мастерстве его автора.

Издание русского перевода «Гирлянды джатак» открывает возможность для углубленного изучения философского содержания памятника, оценки его исторического и социального значения.

Русский перевод «Гирлянды джатак» Арья Шура издается впервые. Ранее существовал лишь пересказ этого произведения, имеющийся в книге С. Ф. Ольденбурга «Буддийские легенды» (СПб., 1898). «Гирлянда джатак» была переведена акад. А. П. Баранниковым еще в 20-х годах, в период, когда он занимался изучением буддизма. В последние годы жизни он намеревался завершить этот труд и подготовить его к изданию. К сожалению, в рукописи, оставшейся после смерти А. П. Баранникова, отсутствовали переводы джатак XXIV, XXVI, XXVII, XXXII, XXXIII, XXXIV, а джатака XXXI была переведена лишь наполовину. Эти джатаки при подготовке настоящего издания были переведены заново. Весь перевод был проверен и отредактирован О. Ф. Волковой в свете последних достижений лексикологии буддийского санскрита.

О. Волкова

В предисловии не преследуется цели дать социально-философскую оценку буддизма. Желающие ознакомиться с этой стороной вопроса могут обратиться к ст. «Буддизм» (с библи.) в т. I «Философской энциклопедии». М. 1960 г.

Научное издание

Арья Шура

ГИРЛЯНДА ДЖАТАК,

или Сказания о подвигах Бодхисаттвы

Второе издание, дополненное

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Редакторы *Н.Б.Кондырева, Е.М.Медведев, Н.Г.Михайлова*

Художественный редактор *Э.Л.Эрман*

Технические редакторы *С.В.Цветкова, О.В.Волкова*

Корректоры *А.Д.Поздняковская, Н.Н.Щигорева*

ЛР № 020297 от 23.06.97

Подписано к печати 24.03.2000

Формат 60×90¹/₁₆

Печать офсетная. Усл. п. л. 23,0+2,0 (вкл.)

Усл. кр.-отт. 29,3. Уч.-изд. л. 21,3

Тираж 2000 экз. Изд. № 7488

Зак. № 1993

Издательская фирма

«Восточная литература» РАН

103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6